

НАУКА УРАЛА

“СОСНОВЫЕ”
СТАНОВЯТСЯ
ТОЧНЕЕ

Интервью с
С.Г. Шиятовым

— Стр. 5

АПРЕЛЬ 1993 г. N 9 (587)

Цена по подписке 2 рубля

Газета Уральского отделения Российской Академии наук

Экология

«Сколько на ваших сосновых?» — под таким заголовком в ноябре 1991 года «НУ» опубликовала интервью с заведующим лабораторией дендрохронологии Института экологии УрО РАН, доктором биологических наук С.Г.Шиятовым. Напомним: речь в нем шла о значении термина «дендрохронология», образованного от греческих «дендрон» — дерево и «хронос» — время, сути древесно-кольцевого метода, посредством которого ученые по годичным кольцам деревьев воссоздают историю климата Земли, определяют степень загрязнения окружающей среды и многое другое, а также о конкретной работе лаборатории, активно сотрудничающей с коллегами из Швейцарии, США и с их помощью осуществившей успешную экспедицию по Северу России.

Теперь, почти через полтора года — продолжение беседы:

— ...Не знаю, как отразилось прошедшее время на деревьях, но на людях нашей страны не лучшим образом точно, в том числе и на ученых, общее настроение которых оптимистическим, кажется, не назовешь. Некоторые из моих знакомых прямо говорят: руки опускаются — какие там результаты! А что нового у вас, Степан Григорьевич? Чем, что называется, жили?

— Мы как раз жили основной работой. Прежде всего продолжали участвовать в реализации международного проекта, связанного с субарктической дендрохронологией. Смысл его состоит в том, чтобы провести реконструкцию климатических условий вдоль полярной границы леса на территории России, Скандинавии, Канады, США и проанализировать изменения климата во времени и пространстве — среди прочего с целью выяснить, не сказывается ли ожидаемое «потепление» на росте деревьев. Северные районы лучше всего подходят для этого по

многим причинам. Так вот, в последний летний сезон мы совместно с красноярскими коллегами продолжили активный сбор материалов для исследований. Если в 91-м был «пройден» участок протяженностью в 2,5 тысячи километров от Урала до Лены, то прошлым летом — еще более обширный, до самой Чукотки: нижнее и среднее течения Лены, бассейны рек Яны, Индигирки, Колымы. Собраны образцы разных видов древесины — сосны, ели, лиственницы — из сорока труднодоступных точек. Все это интенсивно обрабатывается, уже получены дендроклиматические ряды длиной в 450-500 лет, что позволит воссоздать

вать сложнее, чем несколько лет назад. Однако в определенном смысле и легче. Можно самим зарабатывать на науку. Сумел найти выгодный заказ, выполнил его — перечисляй положенное институту, а остальное расходуй на свое усмотрение. Больше стало свободы выбора, многое зависит от твоей личной разворотливости. Причем и среди выгодных заказов встречаются представляющие серьезный научный интерес. Да, мы тоже вынуждены были заниматься хоздоговорными работами, не имевшими прямого отношения к дендрохронологии, и это мешало. Но вот поступило предложение участвовать в изучении восточноруальского радиоактивного следа, мы его приняли. И оказалось, что

царскими, американскими учеными, а именно с самой старой в мире лабораторией в штате Аризона, изучающей древесные кольца, о взаимном привлечении сил и средств для реализации идеи. Так что, возможно, будут деньги и по программе «Global Change».

— И еще один, немного лирический вопрос. Буквально на днях я прочел в газете «Комсомольская правда» статью, где со ссылкой на неназванных американских биофизиков утверждается: между людьми и растениями, деревьями в особенности, идет постоянный информационный обмен. Мало того: деревья понимают нас и сочувствуют, помогают людям. Дуб лучше всего мужчине, береза — девушке, девочке,

«СОСНОВЫЕ» СТАНОВЯТСЯ ТОЧНЕЕ, если учишься выживать у лиственницы

картину изменений климата на довольно большом временном промежутке. О достаточно точных выводах — что именно происходило с климатом в российской субарктике — говорить пока рано, но уже ясно: в разные годы, периоды он изменялся неодинаково; видимо, крупные колебания везде происходили более-менее синхронно, а вот так называемые внутривековые — по-разному. В июне в Литве должно состояться международное дендроклиматическое совещание, где мы вместе с красноярцами представим доклад по предварительным итогам наших экспедиций.

— Насколько я понимаю, речь идет о проекте, финансируемом извне...

— Да, экспедиции проводились на деньги, выделенные под программу Швейцарским научным фондом. На них был арендован вертолет, за счет них мы меньше чем за месяц «освоили» такую огромную территорию. Ведь последняя экспедиция обошлась нам почти в четыре миллиона рублей! Но уверен, потратили мы их не впустую. Все прошло очень хорошо. Случались, правда, некоторые накладки чисто российского характера, однако это детали по сравнению с главным

— результатами. Честно говоря, я давно, с тех пор, как защитил кандидатскую, мечтал «пройти» субарктический профиль, но приходилось, в силу обстоятельств, работать в других районах. За эти же два года увидел столько, сколько не довелось за всю предыдущую жизнь...

— А если бы — представим себе такой драматический поворот — не случилось швейцарских денег, взаимоприятельного во всех отношениях проекта? Сумела бы лаборатория в нынешних наших условиях сохранить свое творческое лицо, продолжать то, ради чего была создана? Реально ли сегодня такое без долларов и франков?

— Конечно, с партнерами нам крайне повезло. Дело в том, что Швейцария не тратит больших денег, предположим, на физику, технические разработки. Там предпочитают вкладывать в экологию. Поэтому швейцарские коллеги живут на зависть богатым, могут под свои темы привлекать силы практически со всего мира. Без них многое бы не состоялось. Но с другой стороны... Разумеется, одним сегодня выжи-

вать, в частности березы, очень чутко реагируют на радиоактивность. Подробней на эту тему вам лучше побеседовать с научным сотрудником лаборатории Рашитом Хантемировым, который ею конкретно занимался, я же только скажу: открылось неожиданное, перспективное и полезное направление наших исследований, и оставлять его мы не собираемся. А кроме того, само наличие возможности широко участвовать в международных программах, стабильные связи с зарубежными коллегами тоже добрый знак времени. Нужно только заниматься ими. Доллары и франки сами по себе не «случаются». Их появлению всегда предшествуют длительные поиски точек соприкосновения, встречи, переговоры...

Есть у нас давняя, постепенно осуществляющаяся идея построения сверхдлинной дендрохронологической шкалы. Мы установили, что на Севере, в частности на Ямале, где теперь зона тундры, в береговых обрывах хорошо сохранилось очень много мощных стволов елей, лиственниц голоценового возраста, самым старым из которых до восьми тысяч шестисот лет. Следовательно, мы можем с помощью метода перекрестной датировки продлевать нашу шкалу дальше и дальше в глубь времени и составить погодичную древесно-кольцевую хронологию протяженностью в шесть-восемь тысяч лет. Такая шкала была бы чрезвычайно полезна в самых различных областях: в экологии, для изучения климата, динамики перемещения границ и продуктивности леса, для археологов, которым часто нужно установить возраст найденного куска древесины, других специалитов. Мы придаем этому проекту очень большое значение, надеемся на финансирование в рамках фундаментальных исследований РАН. Но — не только на это. Существует взаимная договоренность со швей-

липа — женщине... Как вы, человек, чаще других общающийся с миром лип и берез, относитесь к таким утверждениям? И есть ли у вас свои антипатии или привязанности к деревьям?

— Я не особенно верю в обмен биополями между живыми организмами. Естественно, существует свое биополе и у дуба, и у липы, они имеют разные заряды. Но как это может влиять на человека, особенно на горожанина, который раз в год видит нормальный лес? Если тут и имеется рациональное зерно, то пока на грани доказанного. А любимое дерево у меня есть. Это лиственница. Я ценю ее за множество уникальных качеств, и прежде всего за потрясающую выносливость. Она живет в таких условиях, где никакие другие деревья жить не могут — на самой северной границе леса. Привлекает и ее красота, и светлостебельность. Это лиственница — особая чувствительность к климату. Убежден: если символом европейской России по праву считают березу, то лиственница вполне достойна называться первым деревом остальной ее части...

Беседу вел А.ПОНИЗОВКИН

На снимках:

вверху — С.Г. Шиятов у реки Яхады-Яха, Ямал, сентябрь 1991г.;

доктор Дональд Грейбил, США, Аризона, с одним из уральских коллег в сибирской тайге;

внизу — спилы полуископаемой древесины голоценового возраста.

